

ВРЕМЯ ПРАГМАТИКОВ?

Борис Межуев

Президент Барак Обама на днях сформировал свою экономическую команду. Эта команда, как на подбор, состоит из тех, кто рулил экономикой и финансами в 1990-е годы, когда в Белом доме жила чета Клинтонов, а в Министерстве финансов вершил делами нынешний вице-президент компании Citygroup Роберт Рубин. Его непосредственный преемник Лоуренс Саммерс уже представлен широкой публике в качестве главного экономического советника нового главы США. Лояльная демократам пресса немедленно провозгласила наступление эры «прагматизма» и «центризма», отход от консервативных и либертарианских догм эпохи Алана Гринспена и Буша-младшего.

Некоторые докучливые оппоненты власти, впрочем, заметили, что команда учеников Рубина, которую вновь приблизил к власти Обама, собственно, в наибольшей степени и была подвержена тем самым догмам «экономического либерализма», которые, по всеобщему убеждению, и стали причиной нынешнего кризиса. Они также обратили внимание на то, что именно эти чиновники проводили в жизнь политику финансового дерегулирования, которая привела к возникновению «мыльных пузырей» в разных областях фондового рынка. Но на это робкое указание критики получали один и тот же ответ: политику надо оценивать не по людям, а по их делам. Раньше эти чиновники следовали одним курсом, теперь они же, собравшись вместе, будут следовать другим, прямо противоположным. Главное – это результат. А один результат уже налицо – фондовый рынок позитивно отреагировал на возвращение «команды Рубина», и акции поползли вверх.

Подобное карьерное сальто-мортале теперь описывается в Америке термином «**новый прагматизм**». Следуя этому под-

ходу, развитые страны собираются управлять мировым кризисом и ликвидировать его последствия. Поветрие в сторону прагматизма может легко захватить и наше отечество, в котором давно в ходу концепция, согласно которой «идеологии приходят и уходят, а эксперты остаются на своих местах».

Конечно, прагматизм по-американски означает одно: **интересы капитала не вписываются в догмы экономического либерализма**. Либералы настаивают на приватизации предпринимательских рисков, капиталу требуется государственная протекция, а желательно и прямое государственное покровительство. Либерализм – это ведь своего рода удавка на шее капитализма, который, будь он представлен сам себе, прямиком скатился бы в откровенную азиатчину. Азиатчина, правда, может иметь при этом вполне цивилизованный внешний облик.

Первый шаг к такой азиатчине – представление о безальтернативности тех или иных действий. Мол, альтернатив тем или иным антикризисным мерам нет и быть не может: в момент пожара нужно не размышлять, а тушить пожар. Однако простой обзор национальных моделей преодоления кризисов в прошлом и настоящем, заставляет усомниться в такого рода безальтернативности. Малайзия выходила из кризиса в 1997 году совсем не так, как сегодня Исландия, Америка в 1933–1935 годах – не так, как Германия в те же роковые годы. Экономические гуру почти в один голос говорят о том, что государству нужно страховать финансовый сектор, но при этом отказаться от страхования

рабочей силы. Проще говоря, позволить компаниям сохранить прибыль за счет сокращения рабочих мест, позволить тем же компаниям нанимать гастарбайтеров, снижая стоимость рабочей силы и лишая работы своих более высокооплачиваемых сограждан.

Тем не менее в западном мире уже начинают раздаваться возмущенные голоса протеста против такого странного олигархического социализма, при котором бизнес оказывается застрахован государством от потерь и вся тяжесть рецессии падает исключительно на наемного работника. Более того, уже сейчас видно новое размежевание внутри западного общества: **люди принципов, пускай даже противоположных, объединяются против беспринципных «прагматиков»**.

На глазах разрушается сло-

жившийся в последние годы разными путями и в России, и на Западе право-левый консенсус – государству теперь все чаще придется выбирать между интересами разных групп населения. Сохранить баланс сил будет очень сложно, и, по всей видимости, в ближайшее время мы окажемся свидетелями не только дифференциации национальных моделей управления глобальным кризисом, но и рождения самых смелых теорий того, каким окажется мир после кризиса и даже после капитализма. ■